

Петербург Гоголя

Литературная экскурсия

(Автор-составитель А.В. Кузьмин)

Гоголь в Петербурге

Гоголь родился в 1809 году в местечке Великие Сорочинцы Миргородского уезда Полтавской губернии. Точной даты рождения будущего писателя никто не знает. Одни источники называют 20 марта, другие — 19. Официально принята дата — 20 марта. Однако и это еще не все. В путаницу с датой рождения внесли свой вклад еще и цивилизационные условности. Издержки, связанные с переходом от одного календарного стиля к другому, привели к тому, что самый мистический русский писатель, согласно грегорианскому календарю, введенному в советской России в феврале 1918 года, родился уже не в марте, а в апреле, да еще в самый мистический день года — первого числа. Заметим в скобках, что Гоголю еще повезло. Хорошо, что он не появился на этот свет, например, в конце декабря. Тогда благодаря такой календарной неразберихе он был бы лишен не только своих собственных и законных дня и месяца рождения, но еще и собственного года.

В декабре 1828 года попрощался Гоголь с родными украинскими местами и взял путь на север: в чужой и заманчивый, далёкий и желанный Петербург. Ещё до своего отъезда Гоголь писал: «Ещё с самых времён прошлых, с самых лет почти непонимания, я пламенел неугасимую ревностью сделать жизнь свою нужной для блага государства. Я перебрал в уме все состояния, все должности в государстве и остановился на одном. На юстиции. — Я видел, что здесь только я могу быть благодеянием, здесь только буду полезен для человечества.»

В его мечтах Петербург был волшебной страной, где люди наслаждаются всеми материальными и духовными благами, где они делают великие дела, ведут великую борьбу со злом- и вдруг, вместо всего этого грязная, неудобная меблированная комната, заботы о том, как бы подешевле пообедать, тревога при виде, как быстро опустошается кошелек, казавшийся в Нежине неистощимым! Дело пошло еще хуже, когда он начал хлопотать об осуществлении своей заветной мечты - о поступлении на государственную службу. Он привез с собой несколько рекомендательных писем к разным влиятельным лицам и, конечно, был уверен, что они немедленно откроют ему пути к полезной и славной деятельности; но, увы - тут снова ждало его горькое разочарование. "Покровители" или сухо принимали молодого, неловкого провинциала и ограничивались одними обещаниями, или предлагали ему самые скромные места на низших ступенях бюрократической иерархии - места, которые нимало не соответствовали его горделивым замыслам. Он попробовал было вступить на литературное поприще, написал стихотворение "Италия" и послал его под чужим именем в редакцию "Сына отечества". Стихотворение это, весьма посредственное и по содержанию, и по мысли, написанное в романтически-напыщенном тоне,

было, однако, напечатано. Этот успех приободрил молодого автора, и он решил издать свою поэму "Ганс Кюхельгартен" (подражание "Луизе" Фосса), задуманную и по всей вероятности даже написанную им еще в гимназии. Втайне от самых близких друзей своих, скрываясь под псевдонимом В.Алова, напечатал он свое первое большое литературное произведение (71 страница в 12 долю листа), роздал экземпляры книгопродавцам на комиссию и с замиранием сердца ждал приговора о нем публики.

Увы! Знакомые или совсем ничего не говорили о "Гансе", или отзывались о нем равнодушно, а в "Московском телеграфе" появилась коротенькая, но едкая заметка Полевого, что идиллию г. Алова всего лучше было бы навсегда оставить под спудом. Этот первый неблагоприятный отзыв критики взволновал Гоголя до глубины души.

Он бросился по книжным лавкам, отобрал у книготорговцев все экземпляры своей идиллии и тайно сжег их.

Еще одна попытка добиться славы, сделанная Гоголем в это же время, привела к таким же печальным результатам. Вспомнив свои успехи на сцене Нежинского театра, он вздумал поступить в актеры. Тогдашний директор театра, князь Гагарин, поручил чиновнику своему Храповицкому испытать его. Храповицкий, поклонник напыщенной декламации, нашел, что он читает слишком просто, маловыразительно и может быть принят разве на "выходные роли".

Эта новая неудача окончательно расстроила Гоголя. Перемена климата и материальные лишения, какие ему приходилось испытывать после правильной жизни в Малороссии, повлияли на его от природы слабое здоровье, при этом все неприятности и разочарования чувствовались еще сильнее; кроме того, в одном письме к матери он упоминает, что безнадежно и страстно влюбился в какую-то красавицу, недостижимую для него по своему общественному положению. Вследствие всех этих причин Петербург опротивел ему, ему захотелось скрыться, убежать, но куда? Вернуться домой, в Малороссию, ничего не добившись, ничего не сделав - это было невысказанно для самолюбивого юноши.

В начале 1830 года счастье, наконец, улыбнулось ему. В "Отечественных записках" Свинына появилась его повесть: "Басаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала", а вскоре после того он получил скромное место помощника столоначальника в департаменте уделов. Давнишнее желание его приносить пользу обществу, состоя на государственной службе, исполнилось, но какая разница между мечтой и действительностью! Вместо того, чтобы благодетельствовать целому государству, всюду распространять правду и добро, искоренять ложь и злоупотребления, скромному помощнику столоначальника приходилось переписывать да подшивать скучные бумаги о разных мелких, вовсе не интересовавших его делах. Понятно, служба очень скоро надоела ему, он

стал небрежно относиться к ней, часто не являлся в должность. Не прошло и года, как ему предложено было выйти в отставку, на что он с радостью согласился: в это время литературные работы поглощали все его мысли. Среди холода и неуютности петербургской жизни мысли его невольно неслись в родную Малороссию; кружок товарищей-нежинцев, с которыми он с самого приезда сохранял дружескую связь, разделял и поддерживал его симпатии. Каждую неделю сходились они вместе, говорили о своей дорогой Украине, пели малороссийские песни, угощали друг друга малороссийскими кушаньями, вспоминали свои школьные проделки и свои веселые поездки домой на каникулы.

Поющие двери, глиняные полы, низенькие комнаты, освещенные огарком в старинном подсвечнике, покрытые зеленой плесенью крыши, подоблачные дубы, девственные чащи черемух и черешен, яхонтовые моря слив, упоительно-роскошные летние дни, мечтательные вечера, ясные зимние ночи - все эти с детства знакомые родные образы снова воскресли в воображении Гоголя и просились вылиться в поэтических произведениях. К маю 31 года у него были готовы повести, составившие первый том "Вечеров на хуторе близ Диканьки".

В начале 31 года Гоголь познакомился с Жуковским, который отнесся к начинающему писателю со своею обычной добротой и горячо рекомендовал его Плетневу. Плетнев с большим сочувствием взглянул на его литературные работы, посоветовал ему издать первый сборник его повестей под псевдонимом и сам выдумал для него заглавие, рассчитанное на то, чтобы возбудить интерес в публике. Чтобы обеспечить Гоголя в материальном отношении, Плетнев, состоявший в то время инспектором Патриотического института, дал ему место старшего учителя истории в этом институте и предоставил ему уроки в нескольких аристократических семействах. В первый раз Гоголь был введен в круг литераторов в 1832 году на празднике, который давал известный книгопродавец Смирдин по случаю перенесения своего магазина на новую квартиру. Гости подарили хозяину разные статьи, составившие альманах "Новоселье", в котором помещена и Гоголева "Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем".

От 1831 до 1836 года Гоголь почти сплошь прожил в Петербурге. Только два раза удалось ему провести по несколько недель в Малороссии да побывать в Москве и в Киеве. Это время было периодом самой усиленной литературной деятельности его. Не считая разных журнальных статей и неоконченных повестей, он в эти годы выпустил 2 части "Вечеров на хуторе" и подарил нас такими произведениями, как "Старосветские помещики", "Тарас Бульба", "Вий", "Портрет", "Женитьба", "Ревизор", первые главы "Мертвых душ".

Сам Гоголь относился очень скромно к своим первым литературным произведениям. Всеобщие похвалы льстили его самолюбию, были ему

приятны, но он считал их преувеличенными и, по-видимому, не сознавал нравственного значения смеха, возбуждаемого его рассказами. Он по-прежнему мечтал о великом деле, о подвиге на благо многим, но все еще искал этого дела вне литературы. В 1834 году, при открытии Киевского университета, он сильно хлопотал о кафедре истории при нем; когда же хлопоты эти не удались, он, при содействии своих покровителей, получил должность адъюнкта по кафедре всеобщей истории при Петербургском университете. Нельзя не удивляться, что человек с такой слабой теоретической подготовкой, с таким скудным запасом научных знаний решился взяться за чтение лекций. Но, может быть, именно потому, что он никогда не занимался наукой, она и казалась ему делом нетрудным.

В своих письмах от того времени он не раз говорит, что работает над историей Малороссии и кроме того собирается составить "Историю средних веков томов в 8 или 9, если не больше". Блестящим результатом его занятий украинскими древностями явился "Тарас Бульба", мечты же об истории средних веков так и остались мечтами. Профессорский персонал Петербургского университета очень сдержанно относился к своему новому собрату: многих не без основания возмущало назначение на кафедру человека, известного только несколькими беллетристическими произведениями и вполне чуждого в мире науки. Зато студенты с нетерпеливым любопытством ожидали нового лектора. Первая лекция его [Она напечатана в "Арабесках" под названием "О характере истории средних веков"] привела в восторг. Живыми картинами осветил он им мрак средневековой жизни. Затаив дыхание, следили они за блестящим полетом его мысли. По окончании лекции, продолжавшейся три четверти часа, он сказал им: "На первый раз я старался, господа, показать вам только главный характер истории средних веков; в следующий раз мы примемся за самые факты и должны будем для этого вооружиться анатомическим ножом".

Но этих-то фактов и не было в распоряжении молодого ученого, а кропотливое собирание и "анатомирование" их было не под силу уму его, слишком склонному к синтезу, к быстрому обобщению. Вторую лекцию он начал громкой фразой: "Азия была всегда каким-то народовержущим вулканом". Затем вяло и безжизненно поговорил о переселении народов, указал несколько курсов по истории и через 20 минут сошел с кафедры. Последующие лекции были в том же роде. Студенты скучали, зевали и сомневались, неужели этот бездарный г-н Гоголь-Яновский - тот самый Рудый Панько, который заставлял их смеяться таким здоровым смехом. Он понял, что взялся не за свое дело, и стал тяготиться им. Когда, в конце 1835 года, ему предложили выдержать испытание на степень доктора философии, если он желает занять профессорскую должность, он без сожаления отказался от кафедры, которую не мог занимать с честью.

Петербургский климат убийственно действовал на его здоровье, нервы его расшатались; больной, усталый умственно после усиленной работы последних лет, разочарованный в своих попытках найти истинно полезное поприще деятельности, он решил отдохнуть от всего, что волновало его последнее время, подальше от туманов и непогод северной столицы, под более ясным небом, среди совершенно чужих людей, которые отнесутся к нему и без вражды, и без назойливой приязни. "Я хотел бы убежать теперь. Бог знает куда,- писал он Пушкину в мае 1836 года,- и предстоящее мне путешествие - пароход, море и другие далекие небеса - могут одни только освежить меня. Я жажду их как Бог знает чего!"

Гоголь в Царском Селе и Павловске

В 1831 г. Гоголь служил домашним учителем в аристократической семье Васильчиковых, проживавших в Павловске. В это же время в Царском Селе жил Пушкин – кумир Гоголя. Встречи двух писателей стали частыми. Правда, Гоголю пришлось пойти на маленькую хитрость. Чтобы их встречи были более или менее регулярными, Гоголь поведал Пушкину нелепую историю о том, что у него нет постоянного почтового адреса и он просит своего старшего литературного брата, чтобы почта, направленная на его адрес, доставлялась Пушкину в Царское Село. Тот удивился этой необычной просьбе, но все-таки согласился. Гоголь не скрывал радости: цель была достигнута. Он тут же написал матери, чтобы она адресовала письма к нему “на имя Пушкина в Царское Село”. Они действительно в то лето часто встречались.

Живя в Павловске, Гоголь сблизился с архитектором Александром Брюлловым, жившим там же, на собственной даче. Дача имела вид небогатой итальянской загородной усадьбы с башней и выглядела несколько непривычной для русского глаза. В то время владельцем Павловска был великий князь Михаил Павлович. Если верить фольклору, утверждая проект дачи Брюллова, Михаил Павлович будто бы сказал: “Архитектор! Мог бы и получше”.

Брюллов любил проводить время на даче с многочисленными друзьями. Он был большим выдумщиком и затейником. Мог среди ночи поднять гостей и повести их на башню разглядывать звезды. Придумывал самые невероятные развлечения. Гоголь был свидетелем и участником многочисленных выдумок Брюллова. По одному из литературных преданий, образ мечтателя и фантазера Манилова из “Мертвых душ” был навеян образом архитектора Александра Брюллова.

Набережная канала Грибоедова, дом 72

В доме № 72 по набережной канала Грибоедова (бывший Екатерининский канал) Николай Васильевич Гоголь жил в начале 1829 года.

Здесь Гоголь жил вместе с другом А.С. Данилевским, с которым они вместе приехали в Петербург.

Доходный дом аптекаря Трута перестраивался в 1895 году (архитектор - Игнатович Оттон Людвигович) и в 1907 году (архитектор - Липский Владимир Александрович).

В Петербург Гоголь приехал после окончания Нежинской гимназии, 18-летним юношей, в 1828 году. Поселился в доме аптекаря Трута у Кокушкина моста, рядом с Вознесенским собором.

Набережная канала Грибоедова, дом 79

В доме № 79 по набережной канала Грибоедова (бывший Екатерининский канал) Николай Васильевич Гоголь жил в июне 1828 года. Дом стоит на углу канала Грибоедова и Вознесенского проспекта (дом № 23 по Вознесенскому проспекту) возле Вознесенского моста. Это был дом Мюссара (гостиница «Неаполь»). Дом был построен в конце XVIII -

начале XIX вв., перестроен в 1855 году (архитектор - Ланге Август Иванович).

В Петербурге Гоголь потерпел первые серьезные творческие неудачи. Впав в отчаяние, он уничтожил неудавшуюся поэму «Ганц Кюхельгартен», над которой «жестоко посмеялись журналисты». Поэма была опубликована под псевдонимом В. Алов. И Гоголь до конца жизни так никому и не смог признаться в том, что псевдоним В. Алов и сама поэма принадлежат ему. Если верить петербургским анекдотам той поры, сжег и другие рукописи. Место сожжения известно. Это гостиница «Неаполь», что стояла на углу Екатерининского канала и Вознесенского проспекта. Гоголь снял здесь дешевый номер в самом конце длинного коридора, вместе со слугой перенес в него скупленный тираж несчастной поэмы и предал его огню.

Это был первый признак неизлечимой душевной болезни. Именно тогда в воспаленном мозгу молодого писателя впервые поселился страшный “вирус самосожжения”, как выразился один исследователь творчества писателя. Затем рецидив болезни проявится летом 1845 года, когда Гоголь, находясь за границей, сожжет рукопись нескольких глав второго тома “Мертвых душ”, чтобы, как он утверждал, “начать все заново”. Тогда его самочувствие резко ухудшилось. А затем этот вирус жестоко проявит себя в Москве, когда уже зрелый и широко признанный, но душевнобольной писатель будет вновь бросать в пылающее огнем каминное жерло бесценные листы рукописи второго тома “Мертвых душ”, а затем обречет на умирание и самого Гоголя.

Вознесенский проспект – проспект Римского-Корсакова

Майор Ковалев, так жестоко страдавший от потери собственного носа, жил в доме на Вознесенском проспекте, 38. Да и цирюльня Ивана Яковлевича, где Ковалев узнал о своем несчастье, находилась тут же, на Вознесенском. В Петербурге дом 38 так и называют: “Дом майора Ковалева”.

Нос майора Ковалева, принадлежащий к числу самых необычных памятников Санкт–Петербурга, был установлен в 1995 году на фасаде дома № 11 по Вознесенскому проспекту. Архитектор В.Б. Бухаев. Скульптор Р.Л. Габриадзе, В. Н. Аземша. Памятник представляет собой барельеф с изображением носа, прототипом для которого послужил орган обоняния литературного героя повести Н. В. Гоголя, которая так и называется — «Нос». Памятник изготовлен из цветного мрамора и весит около ста килограмм.

Как известно, нос майора Ковалева имел обыкновение покидать своего владельца и свободно разгуливать по городу. В 2002 году нос был украден. Как шутили жители Петербурга, он просто по привычке отправился прогуляться. К счастью, в 2003 году барельеф с изображением носа был найден на лестничной площадке дома № 15 на Средней Подъяческой улице, совсем недалеко от своего законного местоположения, и установлен на прежнее место.

Гоголь создает свои бессмертные “Петербургские повести”. Их появление становится событием в петербургском литературном мире. Повести читают. О них говорят и пишут. Но если “Невский проспект”, “Шинель” или “Портрет” — это вполне реалистическое отражение подлинного быта петербургских улиц, остро подмеченных писателем, то откуда взялась фантазмагория “Носа”, на первый взгляд не очень понятно. Где он сумел увидеть или, если уж быть абсолютно точным, не увидеть

такой нос в повседневной жизни Петербурга? И тут выясняется одно любопытное обстоятельство из истории петербургского городского фольклора.

Оказывается, в описываемое нами время среди “золотой молодежи” пользовались скандальным успехом и широко ходили по рукам непристойные картинки с изображением разгуливающего по улицам мужского детородного органа. Пешком и в карете. В чиновничьем сюртуке и в расшитом золотом генеральском мундире. При орденах и лентах. С моноклем и щегольской тростью. Этакое олицетворение напыщенного служебного чванства. Чернильная душа. Крапивное семя. Канцелярская крыса в пугающем государственном мундире. В народе чиновников не любили и с нескрываемым издевательским сарказмом называли древнейшим коротким и выразительным словом, состоящим всего из трех букв. Именно этого чиновника и изобразил неизвестный художник.

С высокой долей уверенности можно утверждать, что эти скабрзные рисунки были хорошо известны Гоголю. Оставалось только придать им более пристойный вид, а в содержание вложить побольше юмора и иронии. Тогда-то, видимо, и появился в голове писателя образ “симметричного по вертикали” обонятельного органа асессора Ковалева, предательски покинувшего своего хозяина и самостоятельно разгуливающего по улицам Петербурга. Так что взрывной интерес современников к гоголевскому “Носу” не был случайным. Ассоциации, вызванные гениально найденным невинным эвфемизмом, были вполне определенными.

Справедливости ради добавим, что Гоголь в то время был не единственным из творческих личностей, кто обращался к этой безобидной части человеческого лица. В 1830 году в Петербурге был выпущен альбом карикатур неизвестного автора под названием “Два часа на Невском проспекте”. Одна из них представляет собой акварельный лист с изображением десяти остро утрированных человеческих типов с ярко выраженными непропорционально большими носами. Так что с уверенностью можно сказать, что в гоголевские времена тема носа была весьма актуальной. Достаточно вспомнить пословицы и поговорки с участием этой выступающей части человеческой физиономии от “Нос на семь человек рос, а достался одному” до “Остался с носом” или “Держать нос по ветру”. Но именно благодаря Гоголю богатый синонимический ряд идиом, связанных с носом, пополнился новым устойчивым словосочетанием. Теперь в арсенале петербургского городского фольклора, кроме “греческого”, “куриного” или “орлиного” носов, появился еще и “гоголевский нос” — выражение, произносимое, как правило, с издевательским намеком на неестественную длину этой выступающей части лица.

Казанская улица, дом 39

На четвертом этаже дома №39 на Казанской улице (старое название - Большая Мещанская улица) Николай Васильевич Гоголь жил с апреля по июль 1829 года. Это был доходный дом каретного мастера И.А. Иохима.

В письме своей семье от 22 мая 1829 года Гоголь писал: «Мой адрес: на Большой Мещанской в доме каретного мастера Иохима.»

Вот занятный отрывок речи Хлестакова из «Ревизора»: «Жаль, что Иохим не дал напрокат кареты, а хорошо бы, черт побери, приехать домой в карете, подкатить таким чертом к какому-нибудь соседу-помещику под крыльцо, с фонарями, а Осипа сзади, одеть в ливрею. Как бы, я воображаю, все переполошились: "Кто такой, что такое?" А лакей входит (вытягивается и представляя лакея): "Иван Александрович Хлестаков из Петербурга, прикажете принять?" Они, пентюхи, и не знают, что такое значит "прикажете принять".»

Первоначально эта улица, одна из старейших в городе, называлась Рождественской, от Рождественской церкви, которая стояла на Невском проспекте до строительства Казанского собора. Во второй половине XVIII века улицу переименовали в Большую Мещанскую, или «Мещанку», как называли ее в Петербурге. В 1873 году

она стала называться Казанской, по собору, возведенному на месте церкви, а с 1923-го по 1998 год улица носила имя «первого русского марксиста» Г. В. Плеханова. В настоящее время она вновь Казанская.

Своеобразную известность в народе улица снискала в середине XIX века. В первых этажах большинства ее домов сдавались меблированные комнаты, над подъездами которых вешивались специфические красные фонари, а входные двери стерегли ярко раскрашенные дамы с откровенно призывными взглядами. Здесь селились так называемые «непотребные женщины». В середине XIX века поэт М. Н. Логинов написал известную в свое время в определенных кругах поэму «Бордельный мальчик», в которой не обошлось без упоминания Мещанской улицы. Вот начало этой фривольной поэмы:

Уж ночь над шумною столицей
Простерла мрачный свой покров.
Во всей Мещанской вереницей
Огни сияют бардаков.

Вполне недвусмысленно о Мещанской улице отзывался и Гоголь: “улица табачных лавок, немцев-ремесленников и чухонских нимф”. В огромном синонимическом ряду фольклорных дефиниций петербургских уличных девок, или, проще говоря, проституток, эвфемизм “чухонские нимфы” принадлежит Гоголю.

В середине XIX века владельцем дома № 39 был известный петербургский каретный мастер Иоганн Альберт Иохим. В петербургском городском фольклоре его дом сохранился именно под этим именем — “Дом Иохима”. Репутация Иохима в Петербурге была высокой. Достаточно сказать, что он был награжден Малой золотой медалью за кареты, представленные на Первой всероссийской мануфактурной выставке 1829 года, а его имя даже попало в петербургские путеводители.

Как и все доходные дома, “Дом Иохима” был густо населен людьми самых различных сословий. В одном из писем домой Гоголь сообщает: “...дом, в котором я обретаюсь, содержит в себе 2-х портных, одну маршанд де мод (модистку. — *Н. С.*), сапожника, чулочного фабриканта, склеивающего битую посуду, декатировщика и красильщика, кондитерскую, мелочную лавку, магазин сбережения зимнего платья, табачную лавку и, наконец, привилегированную повивальную бабку”. Как видим, самый обыкновенный доходный дом, никак не похожий на пустующий средневековый замок, наполненный бестелесными призраками. Напротив, он всегда был битком набит множеством весьма конкретных обитателей.

Между тем в истории петербургского городского фольклора этот дом хорошо известен по микропониму “Дом с привидениями”. Скорее всего, это можно объяснить тем, что сама улица, как мы уже говорили, в начале XIX века заселялась в основном ремесленниками-немцами. Здесь постоянно слышалась немецкая речь, из уст в уста передавались средневековые немецкие легенды, некогда вывезенные с родины, детям читались немецкие сказки, в повседневном быту бережно сохранялись традиции далекой Германии. И мысли о таинственных легендах, старинных преданиях и привидениях именно здесь могли оказаться вполне естественными и привычными. Понятно, что это не могло не повлиять на мифологический образ мыслей его обитателей. Гоголь в этом смысле исключением не был.

Малая Морская ул.

В 1902 году в Петербурге, в год 50-летия со дня смерти писателя, его имя присвоили Малой Морской улице, на которой он жил с 1833-го по 1836 год. Тогда же на доме № 17 была установлена мемориальная доска, выполненная, как утверждают некоторые литературные источники, по проекту уже известного нам скульптора Крейтана. При Гоголе адрес этого дома был иным. По принятой тогда сквозной нумерации у него был № 97 II Адмиралтейской части. Дом принадлежал придворному музыканту Лепену. Здесь на третьем этаже дворового флигеля, в квартире № 10, которую Пушкин называл “чердаком”, родились повести “Невский проспект”, “Портрет”, “Нос”, комедия “Ревизор”. Здесь были сочинены и первые главы “Мертвых душ”.

Герой комедии «Ревизор» Хлестаков пишет письмо своему приятелю Тряпичкину и выводит на конверте: «Его благородию, милостивому государю Ивану Васильевичу Тряпичкину, в Санкт-Петербурге, в Почтамтскую улицу, в доме под номером девяносто седьмым, поворотя на двор, в третьем этаже направо». Что означает этот странный адрес?

Здесь многое совпадает с адресом самого автора «Ревизора», когда он с 1833 по 1836 год жил в доме придворного музыканта Лепена на Малой Морской (ныне д. № 17). Чтобы попасть в маленькую квартирку Гоголя, надо было, войдя через ворота во двор этого дома, повернуть направо и подняться на третий этаж. Номер дома — 97 действительно совпадал с тем, под которым числился в то время дом Лепена. Расхождение в названиях улиц легко объяснимо. Почтамтская была как бы продолжением Малой Морской по другую сторону Исаакиевской площади. На Почтамтской находилось управление всеми почтовыми службами России. Вот почему упоминание Почтамтской улицы вызвало волнение почтмейстера. Он решил, что письмо это принесет ему неприятности.

Таким образом, Гоголь «поселил» Тряпичкина (он дал ему даже свое отчество) рядом с собой в том же доме. Зачем? Быть может, в память о трудной поре своих петербургских мытарств, когда будущий писатель выполнял подобно Тряпичкину мелкую черновую работу, переписывая статейки господ журналистов.

В краеведческой литературе мемориальная доска Гоголю упоминается вплоть до середины 1970-х годов. А буквально через несколько лет происходит нечто загадочное и странное. Упоминания о доске не исчезают, нет, но в тексте о ней появляется новая редакция: “Возобновлена по новому проекту в 1963 году скульптором Л. Ю. Эйдлиным”. И никакой информации о том, что произошло со старой.

Попытка выяснить ее судьбу привела к кое-каким результатам. Оказывается, впервые доска появилась в 1915 году. Это была строгая мраморная плита, украшенная по углам декоративными розетками. Однако через два десятилетия выяснилось досадное обстоятельство: даты проживания Гоголя в этом доме указаны неверно. Доску решили заменить на такую же, но с измененным текстом. На фасаде дома она появилась в 1941 году, буквально накануне Отечественной войны. А еще через двадцать лет и эта доска пришла в ветхость, на ней появились трещины, пропали некоторые элементы декора. Известно, что мрамор в нашем климате долго не живет. Тогда-то и было принято решение о возобновлении мемориальной доски, но в “более долговечном материале”. Это и произошло в 1963 году. Право, история, вполне достойная жизни самого мистического классика русской литературы.

Новая доска пришлась по вкусу ленинградцам. Она запоминалась, впечатляя прохожих характерным рельефным профилем писателя, искусно вырубленным на плите серого гранита.

Однако в 1993 году этот единственный топонимический памятник Гоголю исчез. Малой Морской улице возвратили ее первоначальное название. Особое недоумение общественности вызывало то обстоятельство, что улица Гоголя, названная так еще за полтора десятилетия до октябрьского переворота 1917 года, попала под общий каток переименований, постигший многие улицы Петербурга, названные в советский период истории города и имевшие ярко выраженный политический или идеологический характер. Чем в этом смысле не угодил городской топонимической комиссии Гоголь, непонятно.

Невский проспект

Нет ничего лучше Невского проспекта, по крайней мере в Петербурге; для него он составляет все. Чем не блещит эта улица — красавица нашей столицы! Я знаю, что ни один из бледных и чиновных ее жителей не променяет на все блага Невского проспекта. Не только кто имеет двадцать пять лет от роду, прекрасные усы и удивительно сшитый сюртук, но даже тот, у кого на подбородке выскакивают белые волосы и голова гладка, как серебряное блюдо, и тот в восторге от Невского проспекта. А дамы! О, дамам еще больше приятен Невский проспект. Да и кому же он не приятен? Едва только взойдешь на Невский проспект, как уже пахнет одним гуляньем. Хотя бы имел какое-нибудь нужное, необходимое дело, но, взошедши на него, верно, позабудешь о всяком деле. Здесь единственное место, где показываются люди не по необходимости, куда не загнала их надобность и меркантильный интерес, объемлющий весь Петербург. Кажется, человек, встреченный на Невском проспекте, менее эгоист, нежели в Морской, Гороховой, Литейной, Мещанской и других улицах, где жадность и корысть, и надобность выражаются на идущих и летящих в каретах и на дрожках. Невский проспект есть всеобщая коммуникация Петербурга. Здесь житель Петербургской или Выборгской части, несколько лет не бывавший у своего приятеля на Песках или у Московской заставы, может быть уверен, что встретится с ним непременно. Никакой адрес-календарь и справочное место не доставят такого верного известия, как Невский проспект. Всемогущий Невский проспект! Единственное развлечение бедного на гулянье Петербурга! Как чисто подметены его тротуары, и, Боже, сколько ног оставило на нем следы свои! И неуклюжий грязный сапог отставного солдата, под тяжестью которого, кажется, трескается самый гранит, и миниатюрный, легкий, как дым, башмачок молоденькой дамы, оборачивающей свою головку к блестящим окнам магазина, как подсолнечник к солнцу, и гремящая сабля исполненного надежд прапорщика, проводящая по нем резкую царапину, — все вымещает на нем могущество силы или могущество слабости. Какая быстрая совершается на нем фантазмагория в течение одного только дня! Сколько вытерпит он перемен в течение одних суток! Начнем с самого раннего утра, когда весь Петербург пахнет горячими, только что выпеченными хлебами и наполнен старухами в изодранных платьях и салоплах, совершающими свои наезды на церкви и на сострадательных прохожих. Тогда Невский проспект пуст: плотные содержатели магазинов и их комми еще спят в своих голландских рубашках или мылят свою благородную щеку и пьют кофий; нищие

собираются у дверей кондитерских, где сонный ганимед, летавши вчера, как муха, с шоколадом, вылезает, с метлой в руке, без галстука, и швыряет им черствые пироги и объедки. По улицам плетется нужный народ: иногда переходят ее русские мужики, спешащие на работу, в сапогах, запачканных известью, которых и Екатерининский канал, известный своею чистотою, не в состоянии бы был обмыть. В это время обыкновенно неприлично ходить дамам, потому что русский народ любит изъясняться такими резкими выражениями, каких они, верно, не услышат даже в театре. Иногда сонный чиновник проплетется с портфелем под мышкою, если через Невский проспект лежит ему дорога в департамент. Можно сказать решительно, что в это время, то есть до двенадцати часов, Невский проспект не составляет ни для кого цели, он служит только средством: он постепенно наполняется лицами, имеющими свои занятия, свои заботы, свои досады, но вовсе не думающими о нем. Русский мужик говорит о гривне или о семи грошах меди, старики и старухи размахивают руками или говорят сами с собою, иногда с довольно разительными жестами, но никто их не слушает и не смеется над ними, выключая только разве мальчишек в пестрядевых халатах, с пустыми штофами или готовыми сапогами в руках, бегущих молниями по Невскому проспекту. В это время, что бы вы на себя ни надели, хотя бы даже вместо шляпы картуз был у вас на голове, хотя бы воротнички слишком далеко высунулись из вашего галстука, — никто этого не заметит.

Памятники Гоголю

Впервые мысль о достойном монументе Гоголю была озвучена писателями в 1880 году при открытии памятника Пушкину на Тверском бульваре в Москве. Однако этот призыв литературной общественности услышан не был. Первым памятником писателю стал скромный бюст, установленный только в 1896 году в Петербурге, в Александровском саду по проекту скульптора В. П. Крейтана. Памятником в полном смысле слова он не был. Скорее он в ряду других бюстов вокруг фонтана перед Адмиралтейством выглядел декоративным убранством самого фонтана. Потому вопрос об увековечивании с повестки дня снят не был.

Памятник Гоголю появился в Петербурге только в конце 1990-х годов на Малой Конюшенной улице. Монумент выполнен по проекту скульптора М. В. Белова и архитектора В. С. Васильковского. Грустная фигура писателя, заключенного в тесную клетку ограды среди фонарей и деревьев, сквозь которые он, как сквозь тюремную решетку, исподлобья наблюдает за суетой Невского проспекта, вызывает противоречивые чувства.

Совсем не случайно в петербургском городском фольклоре немедленно родилась легенда, будто бы это и не Гоголь вовсе, а законспирированный памятник известному в свое время питерскому криминальному авторитету Владимиру Кумарину, “ночному губернатору Петербурга”, как его называли в определенных кругах. Это он, глава питерской “тамбовской мафии”, смотрит в сторону Казанского собора, символически олицетворяя вызов, брошенный им другим бандитам, так называемым “казанским”. Особо посвященных в историю криминального Петербурга 1990-х годов поражало даже чисто внешнее сходство, порожденное досадным композиционным просчетом скульптора. При взгляде на памятник издали в поле зрения не попадает одна рука Гоголя, а Кумарин и в самом деле, о чем в городе было хорошо известно, во время одной из бандитских разборок потерял руку.

Странное впечатление, производимое памятником, породило соответствующий городской фольклор. Бронзовую фигуру печального писателя в городе прозвали “Тугодумом”, а место встречи на Малой Конюшенной улице у памятника соответственно — “У тугодума”.

Н.В. Гоголь «Нос»

Марта 25 числа случилось в Петербурге необыкновенно странное происшествие. Цирюльник Иван Яковлевич, живущий на Вознесенском проспекте (фамилия его утрачена, и даже на вывеске его — где изображен господин с намыленной щекою и надписью: «И кровь отворяют» — не выставлено ничего более), цирюльник Иван Яковлевич проснулся довольно рано и услышал запах горячего хлеба. <...>

Иван Яковлевич для приличия надел сверх рубашки фрак и, усевшись перед столом, насыпал соль, приготовил две головки луку, взял в руки нож и, сделавши значительную мину, принялся резать хлеб. Разрезавши хлеб на две половины, он поглядел в середину и, к удивлению своему, увидел что-то белевшееся. Иван Яковлевич ковырнул осторожно ножом и пощупал пальцем. «Плотное! — сказал он сам про себя, — что бы это такое было?»

Он засунул пальцы и вытащил — нос!.. Иван Яковлевич и руки опустил; стал протирать глаза и щупать: нос, точно нос! и еще, казалось, как будто чей-то знакомый. Ужас изобразился в лице Ивана Яковлевича. <...>

Но Иван Яковлевич был ни жив ни мертв. Он узнал, что этот нос был не чей другой, как коллежского асессора Ковалева, которого он брил каждую среду и воскресенье.

<...>

Иван Яковлевич хотел его куда-нибудь подсунуть: или в тумбу под воротами, или так как-нибудь нечаянно выронить, да и повернуть в переулок. Но, на беду, ему попался какой-нибудь знакомый человек, который начинал тотчас запросом: «Куда идешь?», или: «Кого так рано собрался брить?» — так что Иван Яковлевич никак не мог улучшить минуты. В другой раз он уже совсем уронил его, но будочник еще издали указал ему алебардою, примолвив: «Подыми! вон ты что-то уронил!» И Иван Яковлевич должен был поднять нос и спрятать его в карман. Отчаяние овладело им, тем более что народ беспрестанно умножался на улице, по мере того так начали отпираться магазины и лавочки.

Он решился идти к Исакиевскому мосту: не удастся ли как-нибудь швырнуть его в Неву?..

<...>

Он прежде всего осмотрелся; потом нагнулся на перила, будто бы посмотреть под мост: много ли рыбы бегаёт, и швырнул потихоньку тряпку с носом. Он почувствовал, как будто бы с него разом свалилось десять пуд; Иван Яковлевич даже усмехнулся.

<...>

Коллежский асессор Ковалев проснулся довольно рано и сделал губами: «брр...» — что всегда он делал, когда просыпался, хотя сам не мог растолковать, по какой причине. Ковалев потянулся, приказал себе подать небольшое стоявшее на столе зеркало. Он хотел взглянуть на прыщик, который вчерашнего вечера вскочил у него на носу; но, к величайшему изумлению, увидел, что у него вместо носа совершенно гладкое место! Испугавшись, Ковалев велел подать воды и протер полотенцем глаза: точно, нет носа! Он начал щупать рукою, чтобы узнать: не спит ли он? кажется, не спит. Коллежский асессор Ковалев вскочил с кровати, встряхнулся: нет носа!.. Он велел тотчас подать себе одеться и полетел прямо к обер-полицмейстеру.

<...>

Вдруг он стал как вкопанный у дверей одного дома; в глазах его произошло явление неизъяснимое: перед подъездом остановилась карета; дверцы отворились; выпрыгнул, согнувшись, господин в мундире и побежал вверх по лестнице. Каков же был ужас и вместе изумление Ковалева, когда он узнал, что это был собственный его нос! При этом необыкновенном зрелище, казалось ему, все переверотилось у него в глазах; он чувствовал, что едва мог стоять; но решился во что бы то ни стало ожидать его возвращения в карету, весь дрожа, как в лихорадке. Через две минуты нос действительно вышел. Он был в мундире, шитом золотом, с большим стоячим воротником; на нем были замшевые панталоны; при боку шпага. По шляпе с плюмажем можно было заключить, что он считался в ранге статского советника. По всему заметно было, что он ехал куда-нибудь с визитом. Он поглядел на обе стороны, закричал кучеру: «Подавай!» — сел и уехал.

Бедный Ковалев чуть не сошел с ума. Он не знал, как и подумать о таком странном происшествии. Как же можно, в самом деле, чтобы нос, который еще вчера был у него на лице, не мог ездить и ходить, — был в мундире! Он побежал за каретою, которая, к счастью, проехала недалеко и остановилась перед Казанским собором. Он поспешил в собор, пробрался сквозь ряд нищих старух с завязанными лицами и двумя отверстиями для глаз, над которыми он прежде так смеялся, и вошел в церковь. Молельщиков внутри церкви было немного; они все стояли только при входе в двери. Ковалев чувствовал себя в таком расстроенном состоянии, что никак не в силах был молиться, и искал глазами этого господина по всем углам. Наконец увидел его стоявшего в стороне. Нос спрятал совершенно лицо свое в большой стоячий воротник и с выражением величайшей набожности молился.

«Как подойти к нему? — думал Ковалев. — По всему, по мундиру, по шляпе видно, что он статский советник. Черт его знает, как это сделать!»

Он начал около него покашливать; но нос ни на минуту не оставлял набожного своего положения и отвешивал поклоны.

— Милостивый государь... — сказал Ковалев, внутренне принуждая себя ободриться, — милостивый государь...

— Что вам угодно? — отвечал нос, оборотившись.

— Мне странно, милостивый государь... мне кажется... вы должны знать свое место. И вдруг я вас нахожу, и где же? — в церкви. Согласитесь...

— Извините меня, я не могу взять в толк, о чем вы изволите говорить... Объяснитесь...

«Как мне ему объяснить?» — подумал Ковалев и, собравшись с духом, начал:

— Конечно, я... впрочем, я майор. Мне ходить без носа, согласитесь, это неприлично. Какой-нибудь торговке, которая продает на Воскресенском мосту очищенные апельсины, можно сидеть без носа; но, имея в виду получить... притом будучи во многих домах знаком с дамами: Чехтарева, статская советница, и другие... Вы посудите сами... я не знаю, милостивый государь. (При этом майор Ковалев пожал плечами.) Извините... если на это смотреть сообразно с правилами долга и чести... вы сами можете понять...

— Ничего решительно не понимаю, — отвечал нос. — Изъяснитесь удовлетворительнее.

— Милостивый государь... — сказал Ковалев с чувством собственного достоинства, — я не знаю, как понимать слова ваши... Здесь все дело, кажется, совершенно очевидно... Или вы хотите... Ведь вы мой собственный нос!

Нос посмотрел на майора, и брови его несколько нахмурились.

— Вы ошибаетесь, милостивый государь. Я сам по себе. Притом между нами не может быть никаких тесных отношений. Судя по пуговицам вашего вицмундира, вы должны служить по другому ведомству.

Сказавши это, нос отвернулся и продолжал молиться.

<...>

Между тем слухи об этом необыкновенном происшествии распространились по всей столице, и, как водится, не без особенных прибавлений. Тогда умы всех именно настроены были к чрезвычайному: недавно только что занимали публику опыты действия магнетизма. Притом история о танцующих стульях в Конюшенной улице была еще свежа, и потому нечего удивляться, что скоро начали говорить, будто нос коллежского асессора Ковалева ровно в три часа прогуливается по Невскому проспекту. Любопытных стекалось каждый день множество. Сказал кто-то, что нос будто бы находился в магазине Юнкера — и возле Юнкера такая сделалась толпа и давка, что должна была даже полиция вступиться. Один спекулятор почтенной наружности, с бакенбардами, продававший при входе в театр разные сухие кондитерские пирожки, нарочно поделал прекрасные деревянные прочные скамьи, на которые приглашал любопытных становиться за восемьдесят копеек от каждого посетителя. Один заслуженный полковник нарочно для этого вышел раньше из дому и с большим трудом пробрался сквозь толпу; но, к большому негодованию своему, увидел в окне магазина вместо носа обыкновенную шерстяную фуфайку и литографированную картинку с изображением девушки, поправлявшей чулок, и глядевшего на нее из-за дерева франта с откидным жилетом и небольшою бородкою, — картинку, уже более десяти лет висящую все на одном месте. Отошед, он сказал с досадою: «Как можно такими глупыми и неправдоподобными слухами смущать народ?»»